

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/65/17

В. Просцевичус, В. Билотас

ЧУЖОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ХРОНОТОПЕ ССЫЛКИ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ЮОЗАПАСА СИЛЬВЕСТРАСА ДОВИДАЙТИСА)¹

На примерах из писем Ю.-С. Довидайтиса введено и описано понятие о хронотопе ссылки как специфической временно-пространственной ментальной конфигурации, формирование которой обусловлено конкретными социально-биографическими обстоятельствами. Хронотоп ссылки проявляется в текстах писем как коррелятивное взаимодействие модуса чужого пространства и модуса эсхатологического времени. Рассмотрены эффекты объективного воздействия хронотопа на композиционно-образную структуру текстов писем.

Ключевые слова: *хронотоп, письмо, ссылка, чужое пространство, эсхатологическое время.*

Научная перспектива, в пределах которой пространство и время оказались сопряженными не только в философско-психологическом смысле, но и объективно-физически, почти сразу привлекла внимание гуманитариев, т.е. сразу и надолго вошла в понятийный инструментарий наук о человеке не только как о биологическом существе, но и как о субъекте онтологической активности. В одной из работ, оказавшей огромное влияние на развитие науки о литературе, М.М. Бахтин адаптировал понятие о хронотопе в литературоведческий тезаурус: «Процесс освоения в литературе реального исторического времени и пространства и реального исторического человека, раскрывающегося в них, протекал осложненно и прерывисто. Осваивались отдельные стороны времени и пространства, доступные на данной исторической стадии развития человечества, вырабатывались и соответствующие жанровые методы отражения и художественной обработки освоенных сторон реальности» [1. С. 234].

Важнейшим аспектом начавшихся исследований должно было стать не взаимодополнение описаний конкретных форм времени и пространства, вне зависимости от того, как трактуется их природа: субъективно-психологически или объективно-формально, а описание взаимозависимости, корреляции между этими модусами интерпретации человеческой действительности: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть *хронотопом* (что значит в дословном переводе – «времяпространство»). Термин этот употребляется в математическом естествознании и

¹ Исследование проведено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна). Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности, мы перенесем его сюда – в литературоведение – почти как метафору (почти, но не совсем); нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)» [1. С. 234].

Последующее применение этого инструмента в литературоведении оказалось более чем продуктивным: хронотоп фигурирует в сотнях названий статей и книг на многих языках мира. Что же касается «других сфер культуры», то говорить об особой востребованности понятия о хронотопе пока не приходится: «Философская линия рассмотрения социального бытия сквозь «призму» времени получила в XX столетии серьезное развитие (А. Бергсон, М. Хайдеггер, Э. Левинас, М. Мерло-Понти, П. Бурдьё), но в концепцию социального хронотопа она не оформилась. Философы не ставили, как правило, задач, сопрягающих общие идеи с представлениями о реализации времени-пространства в определенных типах общества, во взаимодействиях людей и, собственно, в конкретных социально-научных исследованиях» [2. С. 110] (см. также обзор проблематики в [3]).

Освоение концепта «хронотоп» в философской и, главным образом, филологической литературе довольно редко, насколько можно судить, сопровождалось сколько-нибудь значимым развитием инициативы М.М. Бахтина, чему не противоречит изобилие работ под названиями, так или иначе включающими соответствующий термин. Дело в том, что, по справедливому замечанию Н.Э. Фаликовой, «...в последние годы термин «хронотоп» настолько широко распространился, что порой употребляется в самом неожиданном контексте. Смысл категории постепенно размывается, а некорректное использование термина создает новые трудности для исследователей» [4. С. 56]. В этой же статье содержится однозначное описание причины такого «размывания»: «Суть хронотопа – в существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений. Если при анализе взаимосвязь не учитывается, то употребление термина «хронотоп» теряет всякое значение» [Там же. С. 55–56].

Необходимо отметить, что в трудах самого Бахтина внимание к взаимосвязи времени и пространства как атрибутивных *форм опыта*, в том числе и эстетического, иногда уступает – по интенсивности – интересу к конкретно-изобразительным манифестациям времени и пространства: в «Формах времени и хронотопа в романе» уже само название статьи подчеркивает приоритет времени. Основную направленность своего метода на категорию времени оговаривал и сам исследователь: «...ведущим началом в хронотопе является время» [1. С. 12]. Как замечает современный исследователь: «Бахтинская теория хронотопа, при всей ее глубине и непреходящей актуальности, развивает и доводит до совершенства то понимание художественного пространства, при котором оно мыслится не как воображаемое, а как отражаемое – как результат претворения естественного мира в формы того или иного жанра» [5].

В то же время, давая первичные определения хронотопа, М. Бахтин указывает на приоритет пространства, «пространственных значений» как субстрата внутренней формы слова: «Существенно хронотопичен язык как сокровищница образов. Хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредствующий признак, с помощью которого *первоначальные пространственные значения* переносятся на временные отношения (в самом широком смысле) (курсив наш. – В.Б., В.П.) [1. С. 283]. Однако и в дальнейшем изложении М. Бахтина, и тем более в работах его последователей, использующих это понятие в различных контекстах, первичность пространственных значений нивелируется иногда в пользу детальной классификации временных иерархий, на фоне которых композиционно востребованные «образы» пространства оказываются едва ли не внешней номенклатурой: «порог», «особняк», «прихожая»; а пределами рассмотрения фактически оказывается с необходимостью, казалось бы, подразумеваемая процедура трансформации «места действия» в *топос* как равномогущий *хроносу* модус формирования эстетически значимого высказывания.

Превалирование *хроноса* над *топосом* в анализе М. Бахтина можно понять, как нам представляется, исходя из двух обстоятельств. Прежде всего, следует иметь в виду кантианское основание методологии ученого, соответственно, установку на осмысление времени и пространства как форм опыта, т.е. не как абстракций от суммы наблюдений над «реальной жизнью», а как фундаментальных оснований формирования этой реальности. Стало быть, опыт времени представляется более близким к активности сознания, нежели опыт пространства, слишком легко «уплотняющийся», если воспользоваться излюбленным словом Бахтина в этой работе, в конкретно-узнаваемые образы замка, площади, прихожей и т. п. Предлагаемые Бахтиным определения времени – модуса хронотопа – как «...мистерийного и карнавального» [Там же. С. 281], «биографического» (там же), «бытового» и т.д. представляются более содержательными. Самое знаменитое жанровое различие М. Бахтина – различие эпопеи и романа практически исчерпывается строго временным противопоставлением «абсолютного прошлого» эпопеи «незаверенному настоящему» романа, и в этом контексте пространство – как модус хронотопа – просто отсутствует. Кроме того, можно предположить, что преимущественный интерес к временному модусу высказывания обусловлен – когда речь идет о филологических исследованиях – имманентной установкой художественного высказывания на преодоление неопределенно долгого временного промежутка между событием порождения высказывания автором и событием его восприятия читателем: «Действительно, у времени в социально-гуманитарном отношении есть одна особенность, которой нет у пространства: наша мысль, будучи не пространственной, длится, протекает во времени. Места в пространстве отделены друг от друга, но временные периоды совмещаются: прошлое живет в нас, равно как и будущее – в виде образов, порождаемых памятью и проективным воображением. Это, конечно же, не означает, что категорией пространства следует

пренебрегать, однако нужно отметить, что такое пренебрежение объективно имеет место» [6. С. 246].

Сам М. Бахтин открывает более продуктивный подход к осмыслению устойчивой корреляции пространства и времени в пределах усилия воображения, созидающего художественный текст. В работе о романе, после насыщенного конкретикой анализа многих и многих версий романного хронотопа, Бахтин формулирует следующее обобщение: «Не касаясь здесь вопроса об изменении функций «дороги» и «встречи» в истории романа, отметим лишь одну очень существенную черту «дороги», общую для всех перечисленных разновидностей романа: дорога проходит по своей родной стране, а не в экзотическом чужом мире» [1. С. 277]. На наш взгляд, определения «родной» и «чужой» совершенно релевантны в контексте характеристики *опыта* пространства как такового – до его «уплотнения» в образах «замка», «коридора» и той же дороги. Если можно так выразиться, дообразный опыт пространства соответствует, по нашему мнению, собственно кантовскому содержанию понятия пространства в его приложении к основаниям эстетики в современном понимании этого слова.

А. Гуревич предпринял одно из наиболее масштабных исследований хронотопа в средневековой культуре, исходя при этом из точной теоретической предпосылки: «Собственно, это лишь условно две разные величины, – образ времени и образ пространства теснейше объединены, являют собой аспекты одной и той же матрицы, налагаемой сознанием на воспринимаемый им мир и организующей его» [7. С. 115]. Однако конкретные анализы обнаруживают все ту же необязательность пространственного модуса хронотопного синтеза. Например, в главе «Хронотоп народного христианства: exempla», где подробно анализируется метафизическое «пограничье» именно с точки зрения взаимопереплетения двух «пространств» в дидактическом народном рассказе, автор прямо описывает специфический хронотоп – «пространственно-временное единство»: «Заклученная в поэтике «примера» организующая сила как бы втягивает в «хронотоп» описываемого происшествия временные моменты, по сути своей несводимые вместе и несовместимые, и в результате этого мощного притяжения Страшный суд, который официальная религия обещала «в конце времен» – по завершении земной истории, после второго пришествия Христа, – вершится в самый миг перехода индивида из мира живых в мир загробный» [Там же. С. 158]. То есть даже когда исследователь прямо декларирует актуальность пространственного симбиоза, например мира живых и мира мертвых, очевиден примат временного начала – любая «встреча» мертвых и живых, либо божества (Бога) с человеком, представляет собой в первую очередь своеобразный эффект упразднения временной иерархии, т.е. опять-таки результат некоего усилия воображения в рамках временного опыта. Пространство – как модус хронотопа – выступает здесь как необязательный, с точки зрения связи именно с таким временным опытом, аспект той или иной картины мира.

Причины очевидного преобладания в специальных работах внимания к временному модусу хронотопического континуума следует искать, как было отмечено ранее, в специфике взаимоотношения *автор – читатель*. Событие восприятия художественного текста «идеальным читателем» (У. Эко) отнесено в абсолютное будущее, стало быть, порождение поэтического текста по определению подразумевает нивелирование временной иерархии, что обуславливает особенности стратегии и тактики воплощения авторского замысла. (Научная литература по феноменологии времени в литературе необозрима, начиная, разумеется, с «Лаокоона» Г. Лессинга.)

Едва ли не противоположной доминантой обладает *письмо* – текст, порождаемый в принципиально гомогенной темпоральности, но в обязательном порядке учитывающий – независимо от конкретного коммуникативного намерения пишущего – гетерогенность пространства. (Мы имеем в виду, разумеется, бытовое письмо, рассмотрение письма как компонента художественного высказывания не входит в наши задачи, поскольку ясно, что сказанное в общем виде о преобладании временного модуса в художественном высказывании в полной мере относится ко всем уровням и компонентам этого высказывания.) Письмо, таким образом, представляет собой текст, позволяющий с большей отчетливостью обнаружить динамику хронотопической корреляции в условиях доминирования пространственного модуса. Определенные закономерности, влияющие и на ход мысли, и на структуру оформления этих мыслей в тексте, обретают действенность вне зависимости от собственных намерений автора. К закономерностям, организующим хронотоп высказывания, это относится едва ли не в первую очередь. Дело в том, что важнейшая, хотя и, по видимости, внешняя особенность любого записываемого высказывания состоит в том, что его адресат, даже если это вполне конкретное биографическое лицо, как это обстоит в нашем случае, т.е. в случае письма, имеющего определенного и известного нам адресата, и позиция этого адресата, естественно, отдалена от позиции пишущего в пространстве. Пространственная разнесенность адресанта и адресата (= автора и читателя) обладает своеобразием, получающим отражение в содержании текста. Любопытно в этой связи замечание самого Довидайтиса в одном из писем: «Никогда так ясно не представлял, что писание есть беседа с отсутствующими, как в эти минуты. Ваши письма, первыми полученные после отъезда из Отчизны, и двухдневный отдых в Тобольске взбодрил душу» [8. S. 19].

В данной статье предпринят анализ писем Юозапаса Сильвестраса Довидайтиса, литовского священника, высланного в Сибирь в числе многих других поляков и литовцев, так или иначе причастных к событиям 1863 г. После восстания в Литве и Польше подверглось репрессиям значительное число католического духовенства. Активно участвовавшие в восстании священники были осуждены на смертную казнь или каторгу, другие были сосланы в Сибирь и иные отдаленные губернии в административном порядке. Последние имели возможность переписки с родными и близкими, и, к счастью, часть этого эпистолярного наследия сохранилась [9–13]. В Литве наиболее значимым собранием таких писем является хранящаяся в

Вильнюсском университете сибирская корреспонденция Юозаса Сильвестраса Довидайтиса (1825–1882).

Внимание к эпистолярному наследию именно Ю.С. Довидайтиса объясняется, помимо прочего, тем, что именно письма из ссылки заслужили высокую оценку литовского писателя, драматурга, публициста Йозаса Тумаса-Вайжгантаса, подготовившего издание сочинений Довидайтиса в пяти частях. Й. Тумас так охарактеризовал его творчество: «К какому разряду следует отнести нашего писателя-юбиляра? При беглом прочтении первой и четвертой частей «Шавленского дедушки» складывается впечатление, что автор вряд ли превзойдет писателей, для изложения предметов веры или морали использующих образ как бы живого человека, который, однако, живым не является, а только донимает приевшимися проповедями: таковы господин Йонас из Свислочи, Палангский Юзис, Дзидорюс Пахарь... Чисто деревенская христианская идеология; автор словно бы ни на ступеньку не возвышается над селянами по уму и запросам. Читая вторую и третью части, начинаешь раз за разом примечать вещи, которые заставляют пересмотреть первые впечатления. Начинаешь сомневаться, так ли по-деревенски наивен автор или лишь прикидывается простаком, таким образом лишь проявляя немалое писательское дарование. Особенно начинаешь верить в это, читая пятую часть – письма из ссылки» [14. Р. 241].

Весьма вероятно, что своим особым качеством письма Довидайтиса обязаны не только безусловным литературным способностям автора и неординарному социально-историческому контексту их написания, но и проявившейся в них глубинной связности двух модусов человеческого опыта – опыта пространства и опыта времени в конкретной форме проявления этой связности: *хронотопе ссылки*.

Теоретическая задача, поставленная нами в этой статье, – установление коррелятивной связи между модусом субъективного переживания внешней пространственной определенности и внутренней временной установкой. Событие ссылки как пороговое событие по преимуществу рассматривается нами с точки зрения корреляции опыта пространства и опыта времени в пределах соответствующего хронотопа.

Как уже отмечалось, двухчастная композиция концепта хронотоп предполагает как учет особого качества каждого из компонентов – пространства и времени, так и особого качества взаимосвязей между ними. Мы рассмотрим интересующую нас проблему именно в таком порядке: специфику пространства как формы опыта, специфику времени как формы опыта и специфику взаимосвязи между этими двумя формами.

Характеристика пространства в нашем случае, т.е. в случае анализа писем из ссылки, видимо, особой трудности не представляет. Имея в виду теоретическую и терминологическую преемственность, мы обозначим это пространство как *чужое*. Вот, например, весьма показательный, можно сказать – программный во многих отношениях, отрывок из письма Довидайтиса двоюродному брату – которому и адресовано подавляющее большинство его писем: «Желая сколько можно более сэкономить времени, три

ночи провел в лугах; лежал на душистом сене за семь верст от города, в широкой степи, на открытом воздухе, где мерцало небо, полное звезд, светил серебряный месяц, и думал о других временах, когда так же вот доводилось лежать на открытом воздухе, только не под тем самым небом, а под родным. Тогда мне в голову не приходило, что придется оказаться в сибирских степях... Так к чему мечтать, лучше уснуть в объятиях Иисуса и Марии. Как жаль, что не имею ни крупницы поэтического дара. Другой на моем месте наверняка много бы перечувствовал, а еще больше написал бы, а моему воображению подвластна лишь неотесанная проза. Прекраснейшая природа Сибири, скажем, такого, как А... вдохновила бы начертать возвышенные образы, где бы и родной край нашел себе место» [9. P. 142].

В этом отрывке непосредственно выражено специфическое состояние сознания автора, которое мы склонны соотносить именно с резкими подвижками в пространственно-временной конфигурации, вызванными ссылкой. Огромное пространство, отделяющее ссыльного священника от родных мест жительства и служения, словно бы взывает к переосмыслению, казалось бы, чисто географической перспективы. Указание на конкретное местоположение – семь верст от города сменяется «Сибирским небом», а затем – «небом Азии». Автор как бы нащупывает такую позицию повествования, по отношению к которой равноудалены и литовские пена-ты, и сибирские погосты: «Мое воображение куриного, не орлиного полета; поэтому добился лишь такого результата: гуляя в горах Алтая, могу ози-рять бескрайние степные просторы, воображение показывает мне всю Европу как узкую полосу, так густо заселенную, что люди или стрелами, или мечами и огнестрельным оружием сражаются за каждый свободный кусочек, выталкивая оттуда друг друга. Моя отчизна – словно край выкошенного луга, а Шауляй, Каунас, Варняй – как стоги сена, разбросанные там и сям по этому лугу. Каждый скажет, что это сравнение отдает прозой Ф. Но что поделаешь, ничего не поделаешь. Зато тем вольнее могу мысленно с вами беседовать, ведь в моей памяти все вы рядышком, как сено в стогу» [8. S. 35].

Обретение искомой «точки отсчета» происходит в пределах этого же фрагмента: «А вот лежу под небом Азии, под которым много веков тому отдыхал патриарх Иаков, преследуемый своим братом. Он, патриарх избранного народа, был удостоен неземного видения; я же, малая пылинка, не могу надеяться на такую милость, которая бы осветила мою печальную судьбу» [Ibidem].

Воображаемое одоление *чужого пространства* вдруг разрешается, как видим, в сравнении автором себя с библейским Иаковом, сравнении, не возвеличивающем, а, напротив, уничижительном: «...я же ничтожная пылинка...». Изменение пространственной конфигурации приводит к изменению и, если можно так выразиться, конфигурации времени. Ведь «дистанция» между Иаковом и автором, при всем том, что к этому сравнению автора подвела географическая медитация, не может быть описана в терминах пространства, но только – времени. В то же время ясно, что речь не

идет об историческом времени, отделяющем библейскую эпоху от середины девятнадцатого века. Эта временная дистанция требует иного подхода: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [1. С. 235].

Рассмотренный нами отрывок замечателен убедительностью хронотопической корреляции. Автор исходит из опыта одиночества, оторванности от привычных контекстов социального взаимодействия, прибегая к чисто пространственным характеристикам. Такая оторванность – результат совокупного воздействия внешних факторов, в концентрированном виде описываемого как *принудительная локализация* (мы прибегаем к такой, несколько усложненной терминологии исключительно в методологических целях, имея в виду последующую систематизацию наблюдений на соответствующем теоретическом уровне). Принудительная локализация едва ли не неизбежным образом вызывает реакцию *воображаемой делокализации* – попытки занять позицию внеположности по отношению ко всему пространству как таковому. Как ни странно, именно принудительная локализация переформатирует опыт пространства таким образом, что главная его составляющая – опыт дистанции, расстояния получает положительную, а не отрицательную интерпретацию: «Так вот, на реках вавилонских словно, сидим на берегу Томи, поем вместе наши песни, коронку, псалмы, или вместе произносим жемайтийские молитвы, вспоминая родной край, одним словом, живем, как в раю» [9. Р. 136]. Или: «Закончив работу, вздохнул с облегчением; однако вижу, что если приходится кормить себя телесным трудом, то и не будет большой беды. Да и где та беда? Ведь если здесь, за шестьсот верст от отчизны ее еще не нашел, может, ее и нет в подсолнечной» [Ibid. Р. 139].

Но что особенно важно для нашей темы, так это ясная связь между рефлексией по поводу чуждого / чужого / враждебного пространства – и размышлениями о собственном положении / предназначении в этом мире. Эту связь, по нашему мнению, нельзя исчерпывающе объяснить спецификой социального статуса автора, его, так сказать, профессиональной предрасположенностью к обобщениям, моралистической медитации и пр. Преодоление внешней дистанции путем «выхода» в позицию внеположности имеет обратную сторону: формирование дистанции внутренней, производной по отношению к изменившейся под влиянием новой пространственной конфигурации временной перспективе. Суть этого изменения, представляющего для нас главный интерес, состоит в следующем.

Если опыт пространства, как отмечено выше, это прежде всего опыт *расстояния*, то опыт времени – это опыт *отсрочки*. Коренное изменение *временного* модуса в пределах хронотопа ссылки состоит в *упразднении отсрочки* как глубинной доминанты самосознания. В нашем конкретном случае это со-

бытие можно сформулировать – в целях большей ясности – как упразднение отсрочки Суда. Рассмотрим несколько последствий этого упразднения.

Ближайшими свидетельствами того, что с человеком происходят некие объективные перемены, не имеющие источником собственные намерения человека, могут служить его собственные указания на странность, необычность происходящего. В письмах Довидайтиса мы несколько раз встречаем такие признания, сделанные прямо или косвенно: «Странное свойство Писания, кажется, написано исключительно для заключенных и изгнанников. Это уникальное место, кажется, облегчает концепцию детей из многих мест, не столько о свободе понимания. Ребенок здесь в семь лет хорошо понимает, в каком месте Юзеф находился в изгнании, а именно в тюрьме, где он, как вы можете видеть, староста, проходил мимо камер, проверял, все ли они (с нами). История Товии представляет собой образец настоящего изгнания, энтузиаста любовника. И Даниил и три мальчика, какие благородные образцы упорства в вере святого среди чужой земли» [8. С. 46].

«Упорство в вере среди чужой земли», пожалуй, концентрированное выражение психологической «плоскости» исследуемого нами хронотопа. Очевидно, что под чужой землей здесь понимается не место, где за веру преследуют, где исповедующие ее подвергаются гонениям со стороны иноверцев и т.п. «Упорство в вере» здесь символизирует упразднение отсрочки Суда. Такой опыт времени можно назвать эсхатологическим. То, что Святое Писание само попадает в перспективу рефлексии автора, прямо говорит о том очень важном для нас обстоятельстве, что источник новых и иногда «странных» наблюдений автора следует искать не в важнейших для него книгах, что приходит на ум при первом чтении писем, но, по преимуществу, в новом хронотопическом опыте – как личного пребывания в ссылке, так и общения с надолго оторванной от родной почвы паствой.

В письмах Довидайтиса не раз встречаются строки, свидетельствующие об интенсивной взыскательности по отношению к сотоварищам по ссылке, притом различных конфессий: «Трудно по лицу определить, кто какой веры; редко когда уловишь что-то значимое. Бесконечное различие обнаруживается, когда касается их благодать: католик тает от сострадания, а лицо его светится радостью; православный послушает и вскоре начинает дремать; лютеранин и иудей только глубже прячутся в себя; старовер надевает ледяную броню; все страдают, подавленные фатальной неизбежностью; однако только католикам, изредка православным удается достичь христианского смирения» [9. Р. 151].

Такая «зоркость», видящая различия между *верующими*, но верующими по-разному, вряд ли стала результатом спонтанной рефлексии. Понятная слабость ксендза к католикам не объясняет до конца само появление у него потребности и способности различать оттенки веры. Источник этой способности и потребности, этой установки – тот же, условно говоря, дефицит времени, который вытесняет из сознания автора установку на еще-не-завершенность, так сказать, неготовность человека, на возможность благотворного изменения. В «чужом пространстве» на это *нет* времени.

Еще более взыскателен автор писем и по отношению к соплеменникам, вовсе теряющим веру: «Совесьть упрекает меня, когда я иронически отзываюсь о нашем дворянстве. Сердечно о том сожалею и обещаю исправиться. Не думайте, что я сопереживаю судьбе этих людей. Мой Д. тоже дворянин, и потому люблю и его, и его семью, как настоящий брат. Но с болью сердечной смотрю на наше дворянство (шляхту), как они едва не совершенно испортились и в своей гордыне не признают своей испорченности. Видя их охлаждение к Богу и вере, никто не узнает в них их праотцов, известных своей богобоязненностью и привязанностью к Церкви. Летом в Томске сохнул, как говорит вдохновенный певец, глядя, как постоянно попираются права Бога. Ссоры, свары, небрежение христианскими обязанностями, распушенность во всем – вот содержание жизни нашего общества» [9. P. 140].

В письмах Довидайтиса нет ни слова о восстании, о причинах, приведших людей в ссылку. Можно уверенно сказать, что дело не только в цензуре. «В чужой земле» становится видной и значимой – для пастыря тоже, вероятно, «бесконечное» различие между гражданской добродетелью, любовью к Родине, свободе – и «упорством в вере», не актуальное «дома», в среде доверия и отсрочки. С точки зрения Довидайтиса, наиболее значимые рубежи, определяющие устойчивость / неустойчивость каждой конкретной индивидуальности, – это рубежи «между» вероисповеданиями и рубеж «между» твердостью в вере и приверженностью гражданским и даже шире – общечеловеческим добродетелям. В то же время письма священника дают все основания предположить, что для самого автора само существование этих рубежей, их актуальность – очевидны или, по крайней мере, особо заметны и значимы в специфической пространственно-временной конфигурации – хронотопе ссылки, если использовать наш главный концепт в этой статье.

Характерны в этой связи сетования, высказываемые Довидайтисом в адрес «современных» матерей. Важно, что и в этом случае образную основу составило сравнение их поведения с поведением Моники, матери Бл. Августина. Речь в письме заходит о том, что в «нормальной» жизни священник не замечал, насколько личные беды «отвлекают» его прихожан от спасения души: «Плачут, что с сыновьями надолго, а может быть, и на всю жизнь простились, что за несколько тысяч верст разлучились, а едва кто обращает внимание на то, не грозит – ли вечная разлука, ежели, не похристиански живя, помрем как нехристиане. А ведь это должно бы быть предметом величайших наших забот и слез... Я *не знал* живучи посреди нашего народа, что можно до такой степени пренебрегать Приказанием Церкви» (выделено нами. – В.П., В.Б.) [8. S. 45]. Священник прямо пишет: «...не знал, живучи посреди нашего народа». Очевидно, что препятствием для такого знания не могли быть интеллектуальная близорукость или нравственное отчуждение: решающую роль сыграло спровоцированное деформацией пространственно-временного горизонта восприятия и оценки событий.

Утрата родственного, объективно объединяющего пространства проявляется в почти житейском упреке землякам: «Увы, в праздничные дни на молитвы к 11 часам приходит 10–20 человек. Остальные вовсе не помнят, что за несколько шагов или саженей Бог спускается на землю утешить нас и подсластить наши страдания в ссылке. Скажите теперь, где та вера, и как эта лень стала ужасным доказательством, что вовсе онемело религиозное чувство! До сих пор я этого не могу понять и каждый праздник душу мою омывает горечь» [9. С. 149]. Как видим, такого свойства сетования довольно неожиданно, хотя и совершенно оправданно, впускает в себя пространственный образ – присутствия Христа на расстоянии «нескольких сажен».

Однако и в этом случае следует учитывать действенность эсхатологической временной перспективы, проявляющей конфликты, скрывающиеся в рутинном – «своем» – хронотопе инерцией отсрочки – уступки внешним факторам, их мнимой значимости в ситуации выбора: «Слезы Моник, как гранаты, разбивают облака и сводят благодать небесную. Разве наши матери не льют слез, потеряв своих детей? – Да, льют, только с тою разницею, что св. Моника душу своего *Августина жалела, а не тело*. Плакала не потому, что из Африки в Европу, из Тагасты и Карфагена в Рим и Медиолан уехал любезный ея сынок, да потому, что в вере заблудился и жил в разврате. А какая из нынешних матерей плачет, узнав, что сын не исповедался на Пасху, не ходит в церковь и не заботится о своей душе? Они плачут, *надолго или навсегда* разлучаясь с сыновьями, не задумываясь о том, что эта разлука не *навек*, если живешь не по-христиански, то и умрешь не по-христиански. И это должно быть важнейшим предметом нашей печали и слез» [8. С. 27].

Примечательно слово «разница», употребляемое автором. В сущности, речь идет не о различии внешних мотивов – внешний мотив слез матерей один и тот же: разлука с сыновьями, но о различии между душой и телом – это исключительно внутренняя граница, не имеющая никаких внешних, примет, удостоверений и т.п. В еще большей степени это утверждение справедливо по отношению к различию между *навсегда* и *навечно*, ключевому в данном контексте. Однако более важно в этой ситуации подчеркнуть, что все-таки именно внешние обстоятельства – грубо говоря, перемещение в отдаленное пространство – оказываются непременным условием актуализации этой границы. Иными словами, «чужое пространство», переформатируя чувственный опыт, способствует своеобразной проблематизации опыта пространства как такового. И неизбежно влияет и на опыт *времени* (в кантовском, конечно, смысле слова). Вводимое нами представление об *упразднении отсрочки* как актуализации временного модуса хронотопа ссылки проясняет принципиальное для приведенной цитаты из письма Довидайтиса различие понятий *навсегда* и *навечно*, не существующее для нестойких в вере и ее не имеющих. Как кажется, не будет преувеличением предположить, что актуализация такого различия прямо коррелирует с упразднением привычной пространственной конфигурации – формированием хронотопа ссылки. И, соответственно, мы наблюда-

ем иной опыт времени, коррелирующий с опытом, напомним, чужого пространства. Конкретное наблюдение, относящееся к различению *навсегда* и *навечно*, предоставляет основания для обозначения временного компонента хронотопа ссылки как *эсхатологического времени*.

Однако и повествуя о радостном, вдохновляющем общении с товарищами по ссылке, Довидайтис обнаруживает удивительное качество духовного зрения, несомненно, усиленного новым опытом времени: «Сейчас был покорен ее тактом в обхождении с детьми, твердой верой и поистине детской простодушностью, с которой еще не управлялась новейшая цивилизация. С огромным удовольствием слушал ее рассказы о перенесенных невзгодах и страданиях и сам пересказал ей некоторые места из Священного Писания. Дети, мало еще смыслящие, не могли понять этих рассказов, но чистая и простая душа матери была захвачена историей святого Иосифа. Благородная женщина не раз прерывала меня восклицаниями: «Смотрите, что делается! Вот какова Божья милость!» – таким наивными и непосредственными, что иногда невольно смеялся и плакал, видя, как жадно впитывает ее душа истины Св. Писания» [8. S. 30]. Радость по поводу рассказов о страданиях, несколько сомнительная в иных обстоятельствах, в перспективе эсхатологического упразднения опыта времени как опыта отсрочки предстает как естественное движение души, воодушевленное предвосхищением награды – милости на Суде.

Пожалуй, одним из самых показательных / доказательных в контексте нашей проблемы можно считать совершенно неожиданное, широко развернутое сравнение, описывающее пересечение автором границы между Европой и Азией: «В среду перед обедом въехали в Азию... Ничего не испытывая, я пересек эту важную в моей жизни границу; дело застопорило взаимонепонимание с солдатом. За горой, неизвестно почему называемой Теплой, въезд в Урал. Я не так себе представлял Уральские горы, поэтому старался разглядеть тот огромный хребет, который отделяет Европу от Азии. Так нас учили географы. Вот, увидев слева столб, спрашиваю солдата: что это? “Маяк” – говорит. “А это не граница между Европой и Азией?” “Нет, – говорит. – Граница еще далеко!”, считая, что спрашиваю о границе Пермской губернии. Довольный, что обманчивое соображение еще не угасло, еще сильнее стараюсь разглядеть Урал; тут приходит в голову мысль спросить, что он называет маяком? “Это столб, отвечает, от которого вода в одну сторону течет на восток, а в другую – на запад”. Тут только понял, что перебрался через Уральский хребет и через границу Европы. Собираться с впечатлениями было уже поздно, а свободнее вздохнуть еще не время; кроме того, не знаю, стоит ли... Призвал на помощь воображение; оно мне показало две части мира, как два судна, перевозящие молодых людей в вечность. Даже испугало видом сильной бури, поднявшейся в Европе и отпрянувшей перед бездной, отворившейся в будущем. Гордясь своей просвещенностью, Европа велит своим “писателям” издеваться над Церковью, стремясь лишь к мирскому счастью. Азия, нуждающаяся в христианском свете, тоже отталкивает от себя... Не осмеливаюсь сравнивать, не

имея в достатке знаний и сил, потому закончу песнь с Блажевичусом: “О Бог Отец, Отец милостивый” и псалмом “Бог наше прибежище и крепость”. Сегодня около 10 часов въехали в настоящую Сибирь; проезжая пограничный столб, перекрестились и попросили Господа благословить нашу жизнь на новой родине, если так Ему угодно» [8. S. 32].

Композиция этого отрывка, несомненно, сходна с композицией медитации на сеновале, рассмотренной выше. Вновь мы наблюдаем поиск повествовательной позиции (точки зрения), внешней по отношению ко всему пространству *в целом*: во-первых, очевидно «своя» Европа лишена какого бы то ни было приоритета по сравнению с очевидно чужой Азией. Во-вторых, итогом «географической» рефлексии вновь становится опыт нетвердости в вере, на этот раз – не собственной, а глобальной и имеющей четко выраженное временное измерение: физическое пересечение границы между Европой и Азией оборачивается в воображении автора сопряжением в религиозном контексте *уже* теряющей твердость Европы и *еще* ждущей христианского просвещения Азии. Образ судов, «перевозящих молодых людей в вечность» подчеркивает тенденцию унификации и временно-го модуса повествования, соотносящегося с пространственным. При этом особого внимания заслуживает синтетический образ «бездны... в будущем». Это, с нашей точки зрения, собственно хронотопический синтез, хотя глубинная тенденция преодоления рутинного опыта отсрочки и в этом случае, безусловно, доминирует. И вновь подчеркнем, что противопоставление Европы и Азии в данном случае оказывается не исходным, но – вторичным, интерпретирующим онтологически определяющее противопоставление «своего» и «чужого» пространств. Это обстоятельство важно для точного понимания собственно хронотопической природы этого описания лишь в пределах рефлексии автора, получающего форму экуменической коллизии.

Значим очевидный диссонанс между впечатлениями ссыльного ксендза и своеобразной «восточной эйфорией», охватившей в то время Европу. Общую характеристику находим в работе Марка Бассина: «The late eighteenth and early nineteenth centuries witnessed what one specialist has termed an “Oriental Renaissance” in Western Europe, that is a notable revival of interest in the peoples and cultures of Asia. The rediscovery of the Orient at this time generated a great deal of excitement among Europe’s intellectual elite, and although on the whole not much was known or understood about these lands and peoples, the incomplete picture which the Europeans possessed provided exotic material for their imaginations. In Asia, it was fancied, all of civilization’s most exalted qualities – high moral principles, enduring veneration of tradition, and intellectual enlightenment – were all realized with a sublime perfection which their own societies, tormented as they had been by discord, bloody revolution, and war, could not match. The scope of this fascination with the East assumed truly remarkable dimensions, and it figured as an important stimulus, among other things, for the incipient Romantic movement. In 1800 Friedrich Schlegel affirmed that Asia was the most exalted source of inspiration for Romanticism

(“Im Orient müssen wir das höchste Romantische suchen») [15. P. 49–50]. Темой отдельного исследования могло бы стать сопоставление двух глобальных хронотопических проектов: 1) экуменического хронотопа, подразумевающего упразднение отсрочки во временном модусе, и, соответственно, 2) имперского хронотопа, подразумевающего упразднение ценностной иерархии пространств, доминирующей в контексте секулярного «географического воображения» (М. Бассин).

Выводы. На примере эпистол о. Довидайтиса мы описали в первом приближении хронотопическую корреляцию хронотопа ссылки: «чужое пространство – эсхатологическое время». Анализ показал, что живой опыт ссылки, принудительного пребывания вдали от Родины, имеет субстратом опыт пребывания в «чужом пространстве», который уже не поддается рефлексии и описанию в психологическом аспекте. Ценностная – психологическая – реакция на принудительную локализацию в пределах чужого пространства проявляется в унификации пространства: упразднении, также, естественно, ценностном, границы между чужим и своим пространством. Непосредственное воплощение этой тенденции мы наблюдали в пространственных лирических медитациях, имевших географический субстрат. Преодоление инерции перманентного разграничения пространства на *свое* и *чужое* коррелирует в пределах хронотопа с преодолением инерции перманентной отсрочки как опыта рутинного переживания времени. Внешним эффектом этого преодоления оказывается формирование перспективы различения *временного* и *вечного* («навсегда» и «навечно»), обуславливающей избыточную рефлексию на рутинное же преобладание временного, в «родном» хронотопе граничившую бы, вероятно, с ханжеством (см. выше сравнение Довидайтиса и «деревенских проповедников», проведенное Й. Тумасом). Эпистолы Довидайтиса отражают работу воображения, одолевающего хронотоп ссылки не как хронотоп внешнего утеснения, ограничения, а, едва ли не напротив – как события, обнаруживающего неустойчивость в вере, иными словами, как хронотоп испытания миром как ссылкой.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. Кемеров В.Е. Социальный хронотоп как проблема интеграции современного обществознания // Антиномии. 2007. № 7. С. 109–114.
3. Медведев А.М., Мартиросян К.В., Хачатрян А.Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Ч. 1 // Мир науки. 2017. Т. 5, № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf>
4. Фаликова Н.Э. Хронотоп как категория исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 45–57.
5. Жилина Т. Семантика художественного пространства в романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности». URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/semantika-hudozhestvennogo-prostranstva.htm>
6. Оропай А.Ф. Хронотопический подход к философско-художественному профетизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2009. № 4. С. 245–250.

7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1972. 318 с.
8. Dawidowicz X.S. Z lystów sybirskiego misjonarza. Krakow, 1901.
9. Dovidaitis J.-S. Šiaulėniškis senelis / Perredagavo ir paskaitą pridėjo doc. J. Tumas. „Dirvos“ b-ės leidinys Kaunas; Marijampolė, 1925.
10. Jasevičius A. Išginimas ir sugrįžimas // Mūsų senovė. Kaunas, 1938–1940. T. 2–3.
11. Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 1864 roku // Stanisław Matraś. 2-e wyd., poprawione. Liublin : Werset, 2008. 411 c.
12. Szermicki K. Wyjątki z dziennika podróży [...] odbytej w krajach amurskich i Guberni Irkuckiej w dniach 26.III.1859 do 25.I.1860 // Pamiętnik Religijno-Moralny. Warszawa, 1861. T. 7.
13. Veitas M. Atsiminimai iš 1863 m. // Mūsų senovė. Kaunas, 1937. T. 2.
14. Vaižgantas J. Literatūros istorija, 1913–1925. Vilnius : LLTI, 2006. 538 p.
15. Bassin M. Imperial visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York ; Cambridge, England : Cambridge University Press, 1999.

Alien Space and Eschatological Time in the Chronotope of Exile (On the Example of Juozapas Silvestras Dovydaitis' Letters)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 276–291. DOI: 10.17223/19986645/65/17

Vladyslav Prostsevichus, Vytautas Magnus University (Kaunas, Lithuania).
E-mail: vpostsevichus@gmail.com

Viktor Bilotas, Vytautas Magnus University (Kaunas, Lithuania), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vbilotas@gmail.com

Keywords: chronotope, alien space, eschatological time, epistolary, exile.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program.

The article presents the experience of adapting the concept of a chronotope in a specific sociocultural context. The relevance of the study is due to the need to develop methods for analyzing utilitarian and quasi-utilitarian verbal practices, taking into account the specific spatio-temporal circumstances of their implementation. The study material is letters from Juozapas Silvestras Dovydaitis, a Lithuanian priest who spent several years in Siberian exile. The explicit model of the chronotope determines the choice of the material—the chronotope of exile, as defined by the authors of the article, which also determines the acceptable level of the results obtained. The subject-matter of the study is the chronotope as a sociocultural phenomenon. The chronotope in the article is presented as an event of the interaction of value-based, spatial and temporal attitudes of the author's consciousness in the process of creating an epistolary text. The features of the subject-matter determined the correlative method of the research. The authors proceed from the fact that the external change in the spatial configuration—the exile—leads to the transformation of the value-based experience of space. The value-based experience of distinguishing space between the author's space and the alien's one is overcome by the imaginary achievement of a point of view equally equidistant with respect to the distinguished spaces. In Dovydaitis's letters, this overcoming is carried out in lyrical digressions devoted to understanding his own changed position and perspectives. The imagined overcoming of the psychological inertia of distinguishing space between the author's own and that of an alien correlates with overcoming the psychological inertia of time delay, which leads to the formation of an eschatological perception of time. The productivity of two global chronotope projects has been outlined: (1) the ecumenical chronotope, which implies the abolition of the temporal hierarchy, and, accordingly, (2) the imperial chronotope, which implies the abolition of the spatial hierarchy, which dominates in the context of the secular "geographical imagination". The experience of the eschatological mode of time affects Dovydai-

tis's ethical reflection. This is manifested in his reflection on communication with fellow-exiles, based on a comparison of life in exile with episodes of the life of famous characters of Holy Scripture. Thus, the chronotope of exile is formed as a correlative interdependence of alien space and eschatological time: specific value-based attitudes of consciousness. In the opinion of the authors of the article, the significance of this work for further research lies in expanding the repertoire of parameters of possible chronotopes in the sociocultural interpretation of this concept.

References

1. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozh. lit. pp. 234–407.
2. Kemerov, V.E. (2007) Sotsial'nyy khronotop kak problema integratsii sovremennogo obshchestvoznaniya [Social Chronotope as a Problem of Integration of Modern Social Science]. *Antinomii – Antinomies*. 7. pp. 109–114.
3. Medvedev, A.M., Martirosyan, K.V. & Khachatryan, A.Yu. (2017) Chronotope of Subjective Reality as a Basic Concept in the Study of Ethnic Self-Consciousness. Part 1. *Mir nauki*. 5 (4). [Online] Available from: <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf>. (In Russian).
4. Falikova, N.E. (1992) Khronotop kak kategoriya istoricheskoy poetiki [Chronotope as a category of historical poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2. pp. 45–57.
5. Zhilina, T. (2008) *Semantika khudozhestvennogo prostranstva v romane Dzh. Dzhoyssa "Portret khudozhnika v yunosti"* [Semantics of art space in J. Joyce's "A Portrait of the Artist as a Young Man"]. [Online] Available from: <http://www.james-joyce.ru/articles/semantika-hudozhestvennogo-prostranstva.htm>
6. Oropay, A.F. (2009) Chronotopical Approach to Philosophical Artistic Prophetism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6: Politologiya. Mezhduнародnye otnosheniya – Vestnik of Saint-Petersburg State University. Series 6 Political Science. International Relations*. 4. pp. 245–250. (In Russian).
7. Gurevich, A.Ya. (1972) *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.
8. Dawidowicz, X.S. (1901) *Z lystÓw sybirskiego misyonarza*. Krakow: [s.n.].
9. Dovidaitis, J.-S. (1925) *Šiaulėniškis senelis*. Kaunas; Marijampłė: "Dirvos" b-vės leidinys.
10. Jasevičius, A. (1938–1940) *Iszginimas ir sugrįžimas. Mūsų senovė* (Kaunas). 2–3.
11. Matraś, S. (2008) *Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 1864 roku*. 2-e wyd., poprawione. Liublin: Werset.
12. Szwerwicki, K. (1861) *Wyjątki z dziennika podróży [...] odbytej w krajach amurskich i Guberni Irkuckiej w dniach 26.III.1859 do 25.I.1860*. *Pamiętnik Religijno-Moralny* (Warszawa). 7.
13. Veitas, M. (1937) *Atsiminimai iš 1863 m. Mūsų senovė* (Kaunas). 2.
14. Vaižgantas, J. (2006) *Literatūros istorija, 1913–1925*. Vilnius: LTL.
15. Bassin, M. (1999) *Imperial visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. New York; Cambridge, England: Cambridge University Press.